

Наш общий сын Франкенштейн

«Мой сводный брат Франкенштейн».

Сценарий Геннадия Островского.

Постановка Валерия Тодоровского. В ролях: Леонид Ярмольник, Елена Яковлева, Даниил Спиваковский, Сергей Гармаш. В прокате с 21 октября

Виктор МАТИЗЕН

Валерий Тодоровский никогда не убежал от «здесь и сейчас» в «там и тогда»: во всех его картинах, будь то «Катафалк», «Любовь», «Подмосковные вечера», «Страна глухих» или «Любовник», чувствовалось дыхание современности. При этом общественная составляющая его фильмов до сих пор была незначительна, речь шла, скорее, об анатомии частной жизни. «Мой сводный брат Франкенштейн» – первая лента Тодоровского, которая, при всей своей погруженности в жизнь отдельных людей, в то же время почти напрямую апеллирует к обществу.

Повествование пускается с места в карьер. Прозябающий сорокалетний инженер-физик, имеющий жену и двух детей-подростков, вдруг получает ошеломительное известие, что у него есть взрослый сын – плод давней мимолетной связи. Это уже достаточный повод для семейной драмы, однако следует еще более сильный драматургический ход: парень оказывается инвалидом войны.

Ситуация вполне реальная, но вместе с тем символическая: человек, замкнутый в настоящем, в семейной скорлупе, получает удар из времени (прошлого) и пространства (окружающего). Индивидуальный грех пересекается с общественной виной, выявляя полную неготовность отдельных людей и общества в целом к ответственности за свои поступки.

Характер отца проявляется в одной из первых сцен – когда он стоит на перроне поодаль от вагона и наблюдает за выходящими пассажирами. Бенефис Ярмольника, на лице которого сменяют друг друга противоречивые чувства, пока не возобладает одно – страх. Юлик (так зовут отца), торопливо отвернувшись от прибывшего Павлика, отправится домой. Это первое предательство; второе произойдет, когда он вывезет парня в чисто поле и бросит там одного; а третье – когда он оставит сына на окруженной спецназовцами даче на верную смерть. Милый, с виду интеллигентный человек оказывается трусом и предателем.

Конечно, и сын не подарок – мало что страшное на вид, как чудовище Франкенштейна («Франкенштейн» – прозвище, которое дает инвалиду компания его младшего брата), так еще и одержим манией преследования. Можно бы пожалеть запуганного парня, но он как-то не располагает к жалости, поскольку умеет за себя постоять и сам напугает кого хочешь. В кругу родительских друзей рассказывает такие дикие подробности о своих военных «подвигах», что у тех волосы дыбом.

При наличии жутковатых эпизодов картина отнюдь не является чистым хоррором, а, напротив, содержит массу смешного. Особенно действует то соединение комического и ужасного в поведении главного героя, которого сумели добиться сценарист с режиссером, наделившие Павлика поразительной способностью истолковывать в пользу семьи даже те действия, которые она совершает против него. Эта способность, одновременно ирреальная и реальная, указывает на культурную родословную героя, а именно, на его родство с неким юридическим, которого Тодоровский в качестве продюсера триумфально вывел на экран – я имею в виду князя Мышкина. И, в сущности, ту роль, которую столь убедительно сыграл дебютант Даниил Спиваковский, мог бы сыграть – будь он лет на десять моложе – Евгений Миронов в своем амплу классического простака, являющегося пробным камнем для окружающих.

Вторая культурная компонента этого образа – «живой труп», не просто вышедший из ада, но продолжающий в нем жить и одним своим видом не дающий забыть ни о его существовании, ни о нашей вине.

Но это уже третий аспект – тот самый «скелет в шкафу», который, по убеждению англичан XIX века, скрывается в каждом внешне добропорядочном семействе, в данном случае разрошемся до размеров общества.

Рус-Курьер-2004 - 19 окт - С 10.

Четвертый культурный мотив – тема «пришельца», «чужого» или «иного» существа с особой логикой, с которой так или иначе приходится считаться.

Мотив № 5 – тот же, что у Георгия Владимова в «Верном Руслане»: герой, не понимающий, что оказался в иной жизни, и продолжающий сражаться с несуществующим врагом – борец с призраками. Нелишне обратить внимание, что Павел – знаковое имя, которое носили Власов, Корчагин, Морозов, не говоря уже об апостоле, который в прошлой жизни был Савлом.

Эта естественная погруженность в культурный контекст, прорастающий разными смыслами, впечатляет в фильме даже больше, чем отдельные находки, поскольку она – вопреки той ненормальности, которую фиксирует сюжет – свидетельствует о нормальном воспроизводстве российского киноискусства и культуры в целом.

Между тем жизнь с одержимым страшилищем оказывается невыносимой. Первой не выдерживает жена (в этой роли весьма уместна Елена Яковлева), хотя именно она уговорила мужа принять «Франкенштейна» в семью. Однако попытки куда-то пристроить Павлика кончаются ничем. В военкомате отмахиваются: «Много таких, а мы одни», сдать сына в психбольницу у отца не хватает духа, а встреченный сослуживец (его неподражаемо играет Сергей Гармаш), вроде бы готовый взять бывшего солдата под опеку, оказывается таким же опасным сумасшедшим. Отчаявшийся Юлик сажает его в машину, вывозит за город, высаживает и уезжает.

Здесь или чуть ранее картина делает ощутимый скачок, перепрыгивая из смешанного жанра в чистый и на ходу меняя реалистическое повествование на условное. Не только герои, но и авторы фильма не могут найти выход из создавшегося критического положения: семья не знает, что делать с «Франкенштейном» в житейском плане, сценарист и режиссер – в плане драматургическом. Победу одерживает всеобщее желание избавиться от пришельца во что бы то ни стало, и действие неумолимо подталкивает к трагической развязке, оставляющей недоуменные вопросы. Было бы, пожалуй, лучше, если бы эти толчки из-за кадра оставались незаметны, совпадая с самодвижением героев, но подобная гармония в российском кино, привыкшем к режиссерскому насилию над действительностью, пока едва ли достижима. Как недостижима, вероятно, и адекватность названия, которое ради звонкости пренебрегает смыслом. Слова «мой сводный брат» могут принадлежать лишь сестре или брату героя, хотя рассказ фильма никак не связан с их субъективной позицией. С большим основанием картина могла бы называться «Мой незаконный сын Франкенштейн», поскольку отец героя, в сущности, и есть современное воплощение того самого ученого Виктора Франкенштейна из романа Мэри Шелли. Ведь именно он (при нашем всеобщем участии-безучастии) произвел искусственного монстра, впоследствии наделенного его именем.

